

ПЕРЕВОДЫ

Человечество

О, вечера, распяты на сводах небосклона,
Над алым зеркалом дымящихся болот...
Их язв страстная кровь среди стоячих вод
Сочится каплями во тьму земного лона.
О, вечера, распяты над зеркалом болот...

О, пастыри равнин! Зачем во мгле вечерней
Вы кличете стада на светлый водопой?
Уж в небо смерть взошла тяжелою стопой...
Вот... в свитках пламени... в венце багряных терний
Голгофы — черные над черною землей!..

Вот вечера, распяты над черными крестами,
Туда несите месть, отчаянье и гнет...
Прошла пора надежд... Источник чистых вод
Уже кровавится червонными струями...
Уж вечера распяты закрыли небосвод...

Ужас

В равнинах Ужаса, на север обращенных,
Седой Пастух дождливых ноябрей
Трубит несчастье у сломанных дверей —
Свой клич к стадам давно похороненных.

Кошара из камней тоски моей былой
В полях моей страны унылой и проклятой,
Где вьется ручеек, поросший бледной мятой,
Усталой, скучною, беззвучною струей.

И овцы черные с пурпурными крестами
Идут послушные, и огненный баран,
Как скучные грехи, тоскливыми рядами

Седой Пастух скликает ураган.
Какие молнии сплела мне нынче пряха?
Мне жизнь глядит в глаза и пятится от страха..

На север

С темными бурями споря
Возле утесистых стен,
Два моряка возвращались на север
Из Средиземного моря
С семьёю сирен.

Меркнул закат бледно-алый,
Плыли они, вдохновенны и горды...
Ветер попутный, сырой и усталый
Гнал их в родные фиорды.
Там уж толпа в ожидании
С берега молча глядела...
В море, сквозь сумерки синие
Что-то горело, алело,
Сыпались белые розы,
И извивались, как лозы,
Линии
Женского тела.

В бледном мерцаньи тумана
Шел к ним корабль, как рог изобилья,
Вставши со дна океана.
Золото, пурпур и тело...
Море шумело...
Ширились белые крылья
Царственной пены...

И пели сирены,
Запутаны в снасти,
Об юге, о страсти...
Мерцали их лиры.
А сумерки были и тусклы и сыры.

Синели зубчатые стены.
Вкруг мачт обвивались сирены.
Как пламя дрожали
Высокие груди...
Но в море глядевшие люди
Их не видали...

И мимо прошел торжествующий сон,
Корабли, подобные лилиям,
Потому что он не был похож
На старую ложь,
Которую с детства твердили им.

Осенний вечер

В дикой скачке тучи скачут.
Тучи в пляске завились.

Эй, Луна, берегись!

Мгла гудит и разрывается,
И деревья на полях
То застонут, то заплачут,
Выгибаются...

Эй, Луна, берегись!

Желтый лик больной Луны
Мертвый пал в зеркальность пруда,
Раздробясь о грань волны,
Окруженный бледной просинью —
Это ветер свадьбу правит с Осенью.

Эй, Луна, берегись!

Как тяжелый всадник, рвется ураган,
В двери бьет размашисто и хлестко,
И гуляет буйный, распален и пьян,
С рыжей Осенью по дальним перекресткам,

Эй, Луна, берегись!

Этот лик святой и чистый,
Звезд лампы, нимб лучистый
Здесь не к месту средь разгула
Пьяного, тяжелого,
Там, где Осень с Ветром потеряли голову...
В судоргах объятий
Вздохи всё короче.
Беспредельность ночи...

Да лишь лес кричит из вихря и тумана
Под ударами ночного урагана.

Эй, Луна, берегись!

Рыщут псы, и липнет грязь на лапах.
От полей идет сырой и пьяный запах.
И на юг, на север, на восток, повсюду
Разлилось дыханье похоти и блуда,
Как кошмар прерывистый и рдяный.
Ветер с Осенью распутною и пьяной
В буйных судоргах упали и сплелись.
 Эй, Луна, берегись!
И собаки воют, точно волки.

Ноябрь

Большие дороги лучатся крестами
В бесконечность между лесами.
Большие дороги лучатся крестами длинными
В бесконечность между равнинами.
Большие дороги скрестились в излучины
В дали холодной, где ветер измученный
Сыростью вея,
Ходит и плачет по голым аллеям.

Деревья, шатаясь, идут по равнинам,
В ветвях облетевших повис ураган.
Певучая вьюга гудит, как орган.
Деревья сплетаются в шествиях длинных.
На север уходят процессия их..
О, эти дни «Всех Святых»...
«Всех Мертвых»...

Вот он – Ноябрь – сидит у огня,
Грея худые и синие пальцы.
О, эти души, так ждавшие дня!
О, эти ветры-скитальцы!
Бьются о стены, кружат у огня,
С веток срывают убранство.
И улетают, звеня и стенья,
В мглу, в бесконечность, в пространство.

Деревья, мертвые... все в памяти слились.
Как звенья, в пеньи, в вечном повтореньи
Ряды имен жужжат в богослуженьи.

Деревья в цепи длинные сплелись
Кружатся, кружатся, верны заклатью
Руки с мольбою во тьме поднялись.
О, эти ветви, простерты ввысь,
Бог весть к какому Распятью!

Декабрь (Гости)

– Откройте, люди, откройте двери,
Я бьюсь о крышу, стучусь в окно,
Откройте, люди, я ветер, ветер,
Одетый в платье сухих листьев.

– Входите, сударь, входите, ветер,
Для вас готовый всегда очаг;
Труба дымится, камин побелен,
Входите, ветер, входите к нам.

– Откройте, люди, – я непогода,
Во вдовьем платье, в фате дождя,
Она сочится, она струится
Сквозь тускло-серый ночной туман.

– Входите смело, вдова, входите,
Ваш сине-бледный мы знаем лик,
Сырые стены и норы трещин
Всегда готовый для вас приют.

– Откройте, люди, замки, засовы,
Я вьюга, люди, откройте мне,
Мой плащ клубится и платье рвется
Вдоль по дорогам седой зимы.

– Входите, вьюга, царица снега,
Просыпьте лилий своих цветы
По всей лачуге, вплоть до камина,
Где в красном пепле живет огонь.

Мы беспокойны, мы любим север,
Мы люди диких, пустынных стран,
Входите, ветры и непогоды,
За все невзгоды мы любим вас.

Святой Георгий

Широкой молнией сквозь сизые туманы
Разверст проход;
Святой Георги в золоте и в перьях,
На белом взмыленном коне без поводов
Спускается...

Алмазный путь раскрыт
Торжественному нисхождению на землю
Святого милосердия небес.
Князь утренней зари
Сверкающий, звенящий и кристальный,
О, как он озаряет ореолом
Меча гудящего, мое ночное сердце!
Я слышу свисты ветра,
Скользящего вокруг его кольчуги,
И знамени в полете битв;
Святой Георгий — сверкающий и приходящий
Средь воплей моих желаний
Поддержать
Мои простертые к его опоре руки!
Подобно кличу великой веры __
Он держит прямо свое копьё —
Святой Георгий.
Он полнит шумом золотым окрестность
Небесную и пламенеющую;
Он на челе несет сверканье мира —
Святой Георгий — рыцарь долга,
Прекрасный сердцем и самим собой.
Звените, все голоса моей надежды!

Звените во мне, звените под ветвями
Дорог, залитых солнцем!
Серебряные блески, будьте радостью камней!
Речные гальки,
Откройте глаза в воде
Сквозь влагу ваших век!
Земля с лазурными озерами,
Будь зеркалом полетов огней
Святого Георгия — к моей душе!

Против зуба черного дракона,
Против брони язвы и проказы, —
Он мой меч и он моя защита.
Милосердием горят его доспехи,
В мужестве его крушенье
Черных побуждений багровой хоти.

Золотые смерчи, ореолы,
Вихри звезд и кольца ярых слав.
Выбитых его копытом,
Ослепляют память и глаза.
Это он — посланник дивный — белой,
Осиянной мрамором страны,
Где в садах у моря, на деревьях
Нежно зреют нежность и любовь.

Знает он, каких я далее житель,
И какой туман в моем сознании,
И какими черными крестами
Метил нож израненные мысли,
Как я нищ добром,
Какие расточил я силы,
И в каких личинах, и в каком безумьи
И в каком позоре.

Малодушный, — я бежал в ограду
Болестей и плачей бесполезных;
Подымал, теснимый мраком, глыбы
Золотого мрамора враждебных знаний
На высоты черных прорицаний;

Только смерть царит над вечерами,
Только утром радостны порывы;
Лишь с цветами распускаются молитвы,
Тем же ароматом дышат их уста;
Утреннее солнце на воде жемчужной – то же,
Что рука ласкающая – каждому и миру;
Как откровенье, распускается рассвет, и каждый,
Кто его услышал, тот спасен
От топи черной,
Где ни одно вовеки прегрешенье отмыто не было.

Святой Георгий – быстрый и блестящий,
Прыжками пламени сквозь радостное утро
Промчался к моей душе:
И был он юн и был прекрасен верой;
И он склонялся тем ниже предо мной,
Чем ниже я пригибал колени;
Как золотом крепительным и тайным
Он переполнил меня своим полетом,
И нежным ужасом;
Склонясь перед высоким виденьем,
Сложил я в гордую и пламенную руку
Печальные цветы моих скорбей;
И наложив на душу послушанье мужества
И начертав копьем
Крест на моем челе,
Умчался он к престолу Господнему,
С собою унося мое земное сердце.

Статуя

Монах

Он крест здесь некогда воздвигнул на угесах
И город основал, придя, как пилигрим,
Из дальних южных стран, в руках пастуший посох
Великий под плащом монашеским своим.
Он чудеса творил. Народ внимал и плакал
На светлых просеках, в таинственных лесах,
Где прорицал языческий оракул
И руны древние чернели на камнях.
Он стал потом, как сон, невозвратимым,
И был он весь — печаль и красота,
Что некогда сползла с позорного креста
К скорбящим и гонимым.
Он бережно хранил их хрупкие сердца,
Разбитые безжалостной рукою;
Он обещал им счастье без конца
И убаюкивал евангельской мечтою
Потом король, палач и судия
Его слова, принявши, исказили,
И тексты древние явились в новой силе,
Как меч карающий, законов бытия.
И против милости, которую с любовью
На обездоленных он призывал,
Восстала жизнь, внезапная, как шквал,
Безумная и заливая кровью.
Но он в сердцах растопленных пребыл,
Как солнце кроткое смиренья и прощенья,
И черпало народное терпенье
В его лучах источник новых сил.

И празднуют его весною, в мае, рано —
Целителя болезней и скорбей.
И матери несут детей
Омыть в струе старинного фонтана.
Звучит в конце печальных литаний
Широкое и благостное имя
В сиянии свеч, в колеблющемся дыме,
В мерцании риз, крестов и панагий.
На фоне старого романского портала
Встает его годами стертый лик,
И камень весь дрожит, когда несется зык
С высот зовущего металла.

Город

Все пути в город ведут...

Там

Из тумана и дыма,
Громоздя над ярусом ярус,
Точно со дна сновидений,
Город встает.

Там

Мосты из стали сплетенные кинуты
Прыжками сквозь воздух.
Глыбы камня, пилястры, колонны
Возносят лики Горгоны;
Предместья дыбятся башнями,
Трубы, и вышки, и шпили —
В ломаных взлетах над крышами
Это город-спрут
Дыбом взметнулся
В глубине равнины над пашнями.

Там

Красные цветы
Вздеты
На столбы и высокие мачты, —
Светятся даже в полдень,
Подобно чудовищным яйцам.
Солнца не видно —
Света исток затянут
Углем и дымом.

Там
Реки из нефти и олова
Бьют о камни и сваи.
Резкие свисты проходящих судов
От страха воют в тумане;
Зеленый сигнал — их взгляд
В океан, в пространство.

Там
На набережных гулко звенят, сталкиваясь, вагоны,
Лязгают цепи, краны скрипят, дребезжат фургоны,
Тяжко весы роняют темные кубы,
Тюки по трапам скользят в огненные подполья,
Спины мостов разверзаются посередине,
В чаще снастей подымаясь, подобно
Виселицам; а медные буквы
Вдоль по крышам, карнизам и стенам
Стремятся изназвать вселенную.

Сверху вертятся колеса, проносятся кебы,
Летят поезда, устремляя усилия
К станциям, — версты и версты
Тянущим нити огней золотого фронтона.
Рельсы ползут, разветвляясь, под землю,
Вдоль по тоннелям, по кратерам,
Чтобы вновь появиться и, сталью сверкая, мчатся мимо
В облаке пара и дыма.

Все пути в город ведут,
Это Город-спрут.

Улица — петли ее, как узлы,
Вкруг монументов захлестнуты, —
Уходит и снова приходит обходами...
Неразрешимые толпы ее
С руками безумными, лихорадочным шагом,
С завистью злобной в глазах,
Жадно хотят ухватить уходящее время.
Ночью, вечером, утром,

В шуме, в спорах, в тоске,
Наобум кидают оне
Страстное семя своей работы,
Уносимое временем.
И в порывистом ветре безумия их
Хлопают двери темных и скучных контор,
Двери банков и мрачных притонов.
На улицах пятна ватного света,
Разодранно-красного, точно горящее вретище,
Отступают от фонаря к фонарю.
Жизнь алкоголем заквашена,
Бары разверзают на тротуары
Зеркальные скинии,
В которых дробятся опьяненье и буйство.
Слепая свет продает у стены
По копейке – коробку.
Голод и блуд обнимаются в дальних углах.
И черный порыв ярости плотской
Пляшет танец смерти в глухих переулках.
Вождельенье растет и растет,
Ярость становится бурей,
Давят друг друга, не видя, жаждут
Упитья золотом, пурпуром, телом.
Женщины – бледные идолы – бродят
Со знаками пола в своих волосах.
Воздух воспаленный и рыжий
Иногда от солнца отхлынет, день обнажая, –
И тогда – это точно великий крик,
Кинутый хаосом к свету:
Площади, рынки, дома и дворцы
Ревут, распалаясь, с такою яростью,
Что умирающий ищет напрасно минуты молчанья,
Которое нужно глазам, чтоб закрыться навеки.

Днем он таков.
Меж тем, когда вечера
Ваяют небесные своды ударами черного молота,
Город вечерний вдали царит над равниной,

Как образ безмерных ночных упований.
Он вызывает желанья, великолепья и чары,
Зарево меди кидает до самого неба.
Газ мириадный мерцает золотой купиною.
Рельсы становятся дерзкой тропею, ведущей
К лживому счастью в сопровожденьи удачи и силы.
Стены его представляются издали крепостью,
И всё, что идет от него — и туманы, и дымы —
Светлым призывом доходит к далеким селеньям.

 Это город-спрут —
Осьминог пламенеющий,
Гордый скелет на распутьи.
 И все дороги отсюда
Ведут в бесконечность —
К городу.

Душа города

Во мгле потонули крыши:
Колокольни и шпили скрыты
В дымчато-красных утрах,
Где бродят сигнальные светы.

По длинной дуге виадука
Вдоль тусклых и мрачных улиц
Грохочет усталый поезд.
Вдали за домами в порте
Глухо трубит пароход.

По улицам душным и скучным,
По набережным, по мостам,
Сквозь сизый сумрак осенний
Проходят тени и тени —
Толпы живущих там.

Воздух дышит нефтью и серой,
Солнце встает раскаленным шаром.
Дух внезапно застигнут
Невозможным и странным.
Ревность к добру, иль клубок преступлений,
Что там мятется среди этих строений?
Или над крышами черных кварталов
Это встают на последней мете
Башни пилонов, колонны порталов
Жизнь уводящих к безмерной мечте?

О, века и века над ним, —
Великим прошлым своим —
Пламенеющим городом, полным,
Как и в этот утренний час, — призраков!

О, века и века над ним
С их огромной преступною жизнью,
Бьющей, — о, сколько лет! —
В каждое зданье, в каждый камень
Прибоем безумных желаний и гневов кровавых!

Сперва — вблизи двух-трех лачуг — священник-пастырь.
Приют для всех — собор, и сквозь узор оконниц
Сочится свет церковных догм к сознаньям темным.
Стена, дворец и монастырь, зубцы на башнях,
И папский крест, которым мир овладевает,
Монах, аббат, король, барон, рабы, крестьяне,
Каменья митр, узорный шлем, камзол и ряса,
Борьба страстей: за честь герба, за честь хоругви;
Борьба держав ... и короли неполновесный
Чекан монет хотят прикрыть гербами лилий,
Куют ударами меча свои законы
И суд вершат на площадях слепой и краткий.

Потом рождается — как медленно! — гражданство:
Те силы, что хотят из права прорасти,
Народа когти против челюстей правителей...
И яростные морды в тени, в подпольях завыванье,
Бог весть, к какому идеалу, скрытому в туманах,
Набаты плавают в вечерах неведомые ярости;
Слова освобожденья и надежды — в атмосфере,
Насыщенной кипеньем мятежей;
Страницы книг, внезапно просветленных,
Жгут чувством истины, как библии когда-то;
Герои светлые, как золотой ковчег, откуда
Выходят совершенья вооруженными и крепкими;
Надежда безумная во всех сердцах
Сквозь эшафоты, казни и пожары,
И головы в руках у палачей...

Городу — тысяча лет —
Терпкому долгому городу...
Страстному натиску дней,
Тайным подкопам народов
Не устает он противиться.

Сердце его — океан, нервы его — ураган!
Сколько стянула узлов эта упорная воля!
В счастья сбиратель земель,
Сломленный — ужас вселенной —
Всюду в победах своих и разгромах
Он остается гигантом.
Гудит его голос, имя сверкает,
Светы его среди ночи пылают
Заревом медным до самого звездного свода,
О, века и века над ним!

В эти мрачные утра душа его
Дышит в каждой частице тумана
И разодранных туч:
Душа огромная, смутная, подобная этим соборам,
Стушеванным дымною мглою;
Душа беспокойная в каждой из этих теней,
Спешащих по улицам мрачных кварталов;
Душа его, сжатая спазмами, грозная,
Душа, в которой прошедшее чертит
Сквозь настоящее смутные лики наступающих дней,
Мир лихорадочный, мир буйного порыва,
С дыханием порывистым и тяжким,
Стремящийся к каким-то смутным далям;
Но мир, которому обещаны законы
Прекрасные и кроткие, — они
Ему неведомы, и он добудет их
Когда-нибудь из глубины туманов.
Угрюмый мир, трагический и бледный,
Кладущий жизнь и дух в один порыв,
И день, и ночь, и каждый час несущий
Всё — к бесконечности!

О, века и века над ним — городом буйным!
Старая вера прошла, новая вера куется,
Она дымится в мозгах, она дымится в поте
Гордых работою рук, гордым усиьем сознаньем,
Глухо клокочет она, подступая к самому горлу

Тех, кто несет в груди уголь желанья
Громко крикнуть ее, с рыданиями кинуть в небо.
Отовсюду идут к нему —
От полей, от дальних селений,
Идут испокон веков, из незапамятных далей
Нити вечных дорог,
Свидетели их стремленья:
Этот живой поток —
Сердца его биенье.

Мечта! мечта! Она превыше дымов
Отравленных его вознесена.
И даже в дни сомненья и унынья
Она царит над заревом ночей,
Подобно купине, пылающей звездами
И черными коронами...

Но что до язв? То было и прошло...
Что до котлов, где ныне бродит зло?
Коль некогда сквозь недра туч багровых
В лучах изваянный, сойдет иной Христос
И выведет людей из злой юдоли слёз,
Крестя огнем созвездий новых!

Города

О, эти города, напитанные ядом гнилого золота!
О, каменные вопли, взлеты и жесты дыма,
И купола, и башни, и колонны
В звенящем воздухе средь кипени труда...

Ты возлюбил ли ужас и тоску их,
Странник,
Печальный и задумчивый,
На огненных вокзалах, что опоясали вселенную?

О, вихрь колес сквозь горы и пространство...

Набат глухой и тайный, что лихорадил душу твою.
Он в городах гудел по вечерам; их пламя
Неисчислимое и красное твой озаряло лоб,
Их черный лай и мстительные крики, и улюлюканье охоты
Были лаем, криком и травлей твоей души;
Всё существо твое глубоко искажалось их богохульствами,
И воля твоя была добычей их потока:
Вы ненавидели друг друга, обожая.

О, взлеты их, кощунства, преступленья,
Вонзенные, как в спину нож, закону!
Сердца колоколов и лоб их колоколен
Забыли их жертв число;
Чудовищные их нагроможденья заслоняют небо;
Ужас века сосредоточен в них;
Но их душа таит тот вечный миг,
Что в неисчетных днях собою метит время.

История была плодотворима.
Из века в век приливом их идей;
Их мозг и кость питались новой кровью,

Что в старый мир вливаются надеждой
И гением.

Они калят дерзання, причащают
Пространством и колдуют горизонты,
Их притяжения вникают в дух, как яд;
И каждый вознесенный над другими —
Ученый ли, апостол, иль поэт —
Несет свой пламенник в пыланье их пожаров.

Они в неведомое строят лестницы
Для восхожденья дерзостных исканий,
Светлыми ногами топчут ложь, что заковала цепью
Мир с человеком, человека с Богом.
Видали ль ночью вы короны их огней
И храмы из стекла и золота, откуда
Чудовищные взгляды одетых медью стекол
Устремлены к созвездьям сивиллинским?
В кварталах молчаливых посещали ль
Лаборатории, в которых неотступно
От вывода до вывода, от связи и до связи
Сквозь бесконечности преследует ученый
Мельчайший трепет жизни?

Тот человек, что судит, мыслит, волит,
Ими весит и мерит сам себя.
Все тайны, все загадки мира
Им служат ставкой уже целый век
В борьбе великой судьбами.
О, ярость знаний и осторожность схваток!
Загадка здесь — ее следят и травят,
И настигают, как зверя свирепого,
Чтоб уловить мгновенье, когда
Ее глаза, раскрытые внезапно, разорвут
Покровы тьмы и истину откроют.
Тогда пусть ветры, волны, и небеса, и звезды,
И тяжкие мосты, что давят глыбы устоев каменных,
Базальты порта и градские стены

Трепещут на четыре стороны пространства,
Они не потрясутся столь полной радостью,
Как страстный дух искателя
Над новой победой.
Нечто в мире внезапно изменилось
Этим взрывом света из темноты;
И всё равно прославят, иль ославят гений того,
Кто выломал враждебные ворота,
Что защищали тайну, —
Сила его поглощена великой силой городов;
Их бытие еще полнее ею.

Так те, что мыслят, будущему мира
От времени до времени несут ярь мозга своего;
А между тем встают еще иные,
Те, что горят с толпой и для толпы.

Огни болотные и мученики грезы, —
Они провидят ее идущей по садам мучений
И крови — к светлому свершению времен,
Когда дух справедливости проникнет человека.
Ложь издала законы — тексты черных истин:
Их надо грызть всечасно,
Ожидая, пока не сломят их тараны мятежа;
А если надо кровавых удобрений для светлых всходов,
Если нужен великий гнев для полноты любви,
Если надо исступленье для сердца рабьего —
То гулы набатов черных взмоют города
Рыкающим приливом вокруг новых прав.

Так, наверху в кварталах старых, в тусклых залах,
Где светы газа безграничат жесты,
А голоса, и кулаки, и крики трибунов светлых
Утверждают потребность всех нормальным кругом
Таблицы, тексты, правила, системы и библии права;
Даются в передержках торжественных речей;
Для человека в мире — нет господина иного, чем он
сам,
И в нем сам владычествует — мир;

Оратор говорит и сильно, и высоко, слово его сверкает.
Косматое и истребительное, как полеты кометы,
Как знамя безумное, простертое к победе;
А если он берет толпу трамплином —
Что до того? он тот, чья воля полна чрез край
Вскипающими токами расцветов;
Отчаянья, и ярости, и гневов,
И грозное молчание горит в его руках;
Как некий тайный властелин, он видит
Подземное глухое набуханье внезапных сил.
Когда ж в согласье простом и неизбежном сопрягнутся
Полет искателя с порывами трибуна,
То нет у неба такой грозы,
Таких громов у власти, у порядка такого произвола,
Чтоб раздавить собой победу мировую.

Толпа

В городах из сумрака и черни,
Где цветут безумные огни;
В городах, где мечутся, беснуясь,
С пеньем, с криками, с проклятьями, кипя,
Как в котле, — трагические толпы;
В городах внезапно потрясенных
Мятежом, иль паникой, — во мне,
Вдруг прорвавшись, блещет и ликует
Утысячеренная душа.

Лихорадка с зыбкими руками,
Лихорадка в буйный свой поток — меня
Увлекает и несет, как камень, по дорогам.
Разум меркнет,
Сердце рвется к славе, или к преступленью,
И на дикий зов единокупной силы
Я бегу из самого себя.

Ярость ли, безумие, любовь ли, —
Всё пронзает молнией сердца;
Всё известно прежде, чем сознание
Верной цели в мозг впилося, как гвоздь.

Факелами потрясают руки,
Рокот волн на папертях церковей,
Стены, башни, вывески, вокзалы, —
Пляшет всё в безумьи вечеров,
Простирают мачты золотые светы
И отчаянные огни,
Циферблаты отливают кровью;
И когда трибун на перекрестке
Говорит, то ловишь не слова, —
Только жест, которым исступленно
Он клеймит венчанное чело
Императора и рушит алтари.

Ночь кипит и плещет грозным шумом,
Электричеством налитан воздух,
Все сердца готовы отдаться,
Душа сжимается безмерною тревогой, разрешаясь
Криками... и чувствуешь, что каждое мгновение
Может вспыхнуть иль раздавить рождающийся мир
Народ – тому, кому судьба судила
Руки, владеющие молнией и громом,
И власть открыть среди стольких смутных светов
Ту новую звезду, которая пребудет
Магнитом новой всемирной жизни.
Чувствуешь ты, как прекрасно и полно
Сердце мое
В этот час,
В сердце мира поющий и бьющий?

Что нам до ветхих мудростей, до солнц
Закатных отпылавших истин?
Вот час, кипящий юностью и кровью,
Вот ярый хмель столь крепкого вина,
Что всякая в нем гаснет горечь;
Надежда широкая смещает равновесья,
Что утомили души:
Природа ваяет новый лик
Бессмертья своего;
Всё движется, – и сами горизонты идут на нас.
Мосты, аркады, башни
Потрясены до самых оснований.
Внезапные порывы множеств
Взрывают города,
Настало время крушений и свершений,
И жестов молнийных, и золотых чудес
На высотах Фаворов осиянных.

Как волна, потерянная в реках,
Как крыло, исчезшее в пространство,
Утони, душа моя, в толпе,
Бьющей город, торжествующею яростью и гневом.
Посмотри, как каждое безумье,
Каждый ужас, каждый клич калятся,
Расплавляются и прыщут в небо;

Собери в единый узел миллионы
Напряженных мускулов и нервов;
Намагничься всеми токами,
Отдайся
Всем внезапным превращениям
Человека и вещей,
Чтоб ощутить внезапно, как прозренье,
Грозный и жестокий закон, что правит ими, —
Написанным в тебе.
Жизнь согласи с судьбою, что толпа,
Сама того не зная, возглашает
Этой ночью, озаренной томленьем духа.
Она одна глубинным чувством знает,
И долг, и право завтрашнего дня.
Весь мир и тысячи неведомых причин
Поддерживает каждый ее порыв
К трагическим и красным горизонтам,
Творимым ею.
Грядущее! я слышу, как оно
Рвет землю и ломает своды в этих
Городах из золота и черни, где пожары
Рыщут, как лев с пылающей гривой.
Единая минута, в которой потрясены века,
Узлы, в которые победы развязывают в битвах,
Великий час, когда обличья мира меняются,
Когда всё то, что было святым и правым, —
Кажется неверным,
Когда взлетаешь вдруг к вершинам новой веры,
Когда толпа — носительница гнева —
Сочтя и перечтя века своих обид,
На глыбе силы воздвигает право.
О, в городах, внезапно потрясенных
Кровавым празднеством и ужасом ночным,
Чтоб вознести и возвеликолепить — себя,
Душа моя, замкнись!

Завоевание

Земля дрожит раскатом поездов,
Кипят моря под носом пароходов;
На запад, на восток, на север и на юг
Они бегут,
Пронзительны и яростны,
Зарю, и ночь, и вечер разрывая
Свистками и сигналами.
Их дымы стелются клубами среди туманов
Безмерных городов;
Пустыни, отмели и воды океанов
Грохочут гулами осей и ободов;
Глухое, жаркое, прерывное дыхание
Моторов взмыленных и паровых котлов
До самых недр глубинных потрясает
Землю.

Усилья мускулов и фейерверк ума,
Работа рук и взлеты мыслей дерзких
Запутались в петлях огромной паутины,
Сплетенной огненным стремленьем поездов
И кораблей сквозь пенное пространство.
Здесь станции из стали и стекла,
Там города из пламени и теней,
Здесь гавани борьбы и сновидений,
Мосты и молы, уголь, дымы, мгла;
Там маяки, вертятся надо морем бурным,
Пронзают ночь, указывая мель;
Здесь Гамбург, Киль, Антверпен и Марсель,
А там Нью-Йорк, с Калькуттой и Мельбурном.

О, этих кораблей в путях заросший киль!
О, груз плодов и кож, для неизвестных целей
Идущий сквозь моря самумов и метелей,
Сквозь ярость бурь и раскаленный штиль!
Леса, лежащие на дне глубоких трюмов,
И недра гор на спинах поездов;
И мраморы всех пятен и цветов,
Как яды темные, запекшиеся руды,
Бочонки и тюки, товаров пестрых груды,
И надписи: Кап, Сахалин, Цейлон.
А возле них, кипя со всех сторон,
Взмывает, и бурлит и бьется в исступленье
Вся ярость золота... Палящее виденье!

О, золото! кровь беспощадной вседвижущей силы.
Дивное, злое, преступное, жуткое золото!
Золото тронов и гетто, золото скиний,
Золото банков – пещер, подземное золото,
Там оно грезит во тьме прежде, чем кинуться
Вдоль по водам океанов изрыскать все земли,
Жечь, питать, разорять, возносить и мятежить
Сердце толпы – неисчетное, страстное, красное.

Некогда золото было богам посвященным
Пламенным духом, рождавшим их молнии.
Храмы их подымались из праха нагие и белые,
Золото крыш отражало собою их небо.
Золото сказкою стало в эпоху русских героев:
Зигфрид подходит к нему сквозь морские закаты,
Видит во тьме ореолы мерцающей глыбы,
Солнцем лежащей на дне зеленого Рейна.
Ныне же золото дышит в самом человеке,
В цепкой вере его и в жестоком законе,
Бродит отсветом бледным в страстях его и безумьи.
Сердце его разъедает, гноит его душу,
Тусклым бельмом застилает божественный взор.
Если же вдруг раздражается паника – золото
Жжет, пепелит и кровавит, как войны, как мор,
Рушит безмерные грезы ударами молота.

Всё же
Золото раз навсегда в человеке вздыбило
Волю — к завоеванью безмерного.
О, ослепительный блеск победителя — духа!
Нити металла — носители быстрого слова.
Сквозь сумасшедшие ветры, сквозь сумасшедшее море
Тянут звенящие нервы одного огромного мозга.
Всё повинуется некоему новому строю.
Кузня, в которой чеканят идеи, — Европа.
Расы древних культур, расчлененные силы,
Общие судьбы свои вы вяжете вместе с тех пор,
Как золото жалит ваш мозг общим желаньем!
Гавани, липкие мокры от дегтя и вара,
Черные склады, кипящие штольни, гудящие домны,
Ваша работа вяжет всё уже узлы паутины
С тех пор, как золото, здесь на земле
Победило золото неба!
Золото жизни, иль золото смерти, — страстное золото
Азию тянет петлей, проливается в Африку;
Золото скиптр океанов, бродячее золото,
С полюсов белых срывается к рыжим экваторам.
Золото блещет в победах, в разгромах мерцает,
Золото кружится в звездных орбитах веков,
Золото властно ведет в державно намеченных планах
Мачты своих кораблей, рельсы своих поездов.
Вдоль по пустыням земли, вдоль по водам океанов...

Микельанджело

Когда Буонаротти вошел в Сикстинскую капеллу,
Он насторожился,
Как бы прислушиваясь,
Потом измерил взглядом высоту, —
Шагами расстояние до алтаря,
Обдумал свет, сочащийся сквозь окна,
И то, как надо взнуздать и укротить
Крылатых и ретивых коней своей работы...
Затем ушел до вечера в Кампанью.

И линии холмов и массы гор
В его мозгу теснились могучими изгибами,
В узлистых и разлтых деревьях,
Изогнутых и скрюченных от ветра,
Он видел напряженье спины, изгибы торсов,
И порывы простертых к небу рук....
В эти минуты в глазах его всё человечество —
Движенья, жесты, позы — принимало
Расширенный и полный облик всех вещей.
Он возвратился в город ночью,
То торжествующий, то недовольный собою,
Потому что ни одно из прожитых видений
В душе его не умиротворилось в статую.
На следующий день пред вечером
Недовольство в нем прорвалось, подобно грозди
Черных виноградин,
И к папе пошел он ссориться:
«Зачем он — Микельанджело — ваятель
Выбран, чтобы писать по влажной штукатурке
Святую легенду на потолке часовни?
Сикстинская капелла темна и плохо построена:

И самый яркий день в ней не разгонит ночи!
И что за толк трудиться над темным потолком
Чтоб мрак расцветивать и сумрак золотить?
И наконец, откуда и кто ему доставит балки
Для подмостков такой величины?»
Папа, не меняя выраженья лица, ответил:
«Я прикажу срубить мой самый крупный лес».
И Микельанджело ушел обратно в город,
Враждебный папе, миру, людям, и ему казалось,
Что в закоулках дворца, скрываясь в тени,
За ним следят враги, заране осуждая,
Неистовство, и мрачность, и величье
Нового творенья, что зрело в его душе.
Стал сон его одним огромным взмывом
Трагических телодвижений, вздымавшимся в мозгу.
Он с вечера ложился на спину на ложе
И нервы продолжали гореть во время отдыха;
Он весь звенел, дрожащий как стрела,
Вонзившаяся в стену.
Чтоб растравить еще свои обиды ежедневные,
Он распался страданьями и просьбами своих.
И грозный мозг его, казалось, был пожаром
Огней снедающих и пламеней грозящих.

Но чем сильнее его страдало сердце,
Чем глубже проникали горечь и обида,
Чем больше ставил он препятствий самому себе,
Чтоб задержать миг молнии и чуда.
Внезапно преображающий работу,
Тем полнее зрело в душе
Творенье пламенеющее и мрачное,
Чье торжество и страх он нес в себе.

То было в мае; звонили к утрени;
Он, наконец, вернулся в Сикстинскую капеллу.
Силой мысли
Он собрал свои идеи в связни:
Группы резкие и четкие, и линии широкие и ясные

Пред оком зыбились в спокойном ровном свете.
Подмостки были построены так крепко,
Что могли вести на небо,
Широкий, ясный свет сиял под сводами,
Лаская выгибы и зажигая стены;
Микельанджело взбежал по сходням
Легкий, шагая через три ступеньки.
Новый пламень разгорался под веками,
Пальцы с лаской ощупывали камень,
Который должен был одеться славой и красотой.
Затем он торопливо спустился
И твердою рукою двери
Замкнул на ключ.

Он затворился на дни, на месяцы, на годы,
Свирепо охраняя неприступность и тайну
Своей работы – одинокой и неисчетной;
Каждый день с рассветом, той же тяжелой поступью
Он переступал порог часовни,
И между тем как солнце вдоль стен описывало круг,
Он, как поденщик, – молчаливый и яростный,
Трудился над бессмертным созданием.

Уже
Двенадцать вспарушенных сводов замыкали
Семь пророков и пять сивилл,
Упорно проникавших в текст вещей книг,
Незыблемо сковавший
Живую зыбь грядущего.
Вдоль по карнизу пронизанные светом тела
Лепились дерзко, торсы их и спины населяли архитрав
Цветущей зрелостью и осмугленной плотью.
Пары нагих детей фронтоны подпирали;
Гирлянды здесь и там тянулись фестонами,
Змей медный выступал из глубины угла;
Юдифь кичилась кровью Олоферна;
Как зданье, рушился огромный Голиаф;
И к небесам вздымалась казнь Амана.

День ото дня, без отдыха, без срока,
Без ошибок и без поправок, росло и утверждалось
Творенье в стройной полноте;
Вскоре
Посередине свода развернулась Книга Бытия:
Бог, как атлет, боролся с предвечным хаосом,
С водами и с землей;
Солнце и луна двойной печатью отметили
На пламенном и новом небе свои места;
Иегова устремлялся в пространства,
Повитый светом и бурями несомый;
Небо, море и горы жили мощной жизнью —
Широкой, медленной и строго размеренной;
Ева в изумленье перед своим Творцом,
Сложивши руки, колена преклоняла;
Адам же чувствовал перст Бога ревнивого,
Касающийся пальцев, — призыв к деяниям;
Каин и Авел готовили дары;
А Искуситель, став женщиной, тяжелой грудью
Украшал властительное древо;
Под золотыми лозами заветного точила
Ной опьяненный преклонялся к земле;
И черный Потоп распростирал в полете
Крыло воды над лесом и землею.

В работе титанической, что он вершил один,
Иеговы пламенем горел Буонаротти;
Он создавал искусство сверхчеловечное;
Он населил плафон свой новой расой
Существ великих, неистовых и мыслящих.
Гений его сверкал суровый и судорожный, —
Подобный духу Данта и Савонаролы;
Уста, что он отверз, вещали слова иные,
И очи, им разверстые, провидели иные судьбы;
Под лбами вознесенными и в гордых торсах бился
И рокотал его глубокий, его великий дух;

Он пересоздал по-своему и мир, и человека.
В холодный осенний день
Узнали, наконец,
Что работа в Сикстинской капелле окончена
И удалась.

И стала хвала расти, подобная приливу,
Волнами страстными и рокотом широким.
Но папа Юлий Второй молчал.
Его молчанье было, как ожог.
И мастер снова ушел в свое уединенье.
Он с радостью вернулся к старым своим мученьям.
И гнев, и гордость, и непонятная тоска,
Обиды, подозренья
Устремили снова
Свой ураган трагический сквозь душу
Микельанджело.

Дерево

Одинокое, —
Лето ль баюкает, треплют ли зимы,
Иней ли ствол серебрит, иль зеленеет листва.
Вечно, — сквозь долгие дни гнева и нежности —
Оно налагает свое бытие на равнины.

Сотни и сотни лет видит всё те же поля,
Те же пашни и те же посевы.
Ныне умершие очи —
Очи отдаленнейших предков
Видели,
Как петля за петлей заплеталась кольчуга
Крепкой коры и сильные ветви,
Мирно и мощно царило оно над работами дня,
Ложе из моха в косматых ногах раскрывая
В полдень усталым жнецам,
И сладок был сумрак его
Детям, любившимся здесь —
Некогда.

Ранним утром по нем в деревнях
Определяют погоду:
Оно причастно тайнам клубящихся туч
И солнц, на заре замутненных.
Оно — образ былого на страже осиротелых полей.
Но как бы глубоко пройдена плоть ни была его
Памятью, —
Только январь склоняться начнет,
И соки в старом стволе забурлят,
Всеми ветвями своими и завязью почек
Руки и губы его! —

Оно, напрягаясь в едином порыве, кидает свой крик
В будущее...

Нитями вешних лучей и дождей закрепляет
Нежные ткани листов, напрягает узлы,
Ветви свои расправляет,
Выше к небу подымает чело,
Так далеко простирает жадные корни.
Что истощает болото и пашни соседние,
И порой
Вдруг остановится — само пораженное
Яростью этой работы — немой и глубокой.
Но чтоб расцвести и царить во всей полноте своей силы
Выдержать сколько борьбы приходилось зимою:
Ветра ножи, проникавшие в тело,
Толчки ураганов и бешенство бури, —
Иней как острый напильник,
Ненависть дробного града и снежной метели,
Мертвый мороз, проникавший
Белым зубом до самых глубинных волокон, —
Всё было вязким страданьем и болью звенящей...
Но оно никогда и ни разу
Не отказалось от воли к расцвету —
Более полному, более пышному
Каждой новой весной.

В октябре, когда золото блещет в листве его,
Часто шаги мои, тяжко-усталые,
Но всё же широкие, я направлял в богомолье
К этому дереву, пронзенному ветром и осенью.
Как исполинский костер листьев и пламени,
Оно подымалось спокойно в синее небо —
Всё напоенное миллионами душ,
Певших в дуплистых ветвях.
Шел я к нему с глазами, повитыми светом,
Трогал руками его и чувствовал ясно,
Как движутся корни его под землей —
Нечеловечески мощным движеньем.

Я грубою грудью своей к стволу приникал
С такую любовью и страстью,
Что строим глубоким его и целостной мощью
Сам проникался до самого сердца.

Смешан и слит с глубокой и полною жизнью,
Я прилеплялся к нему, как ветвь средь ветвей,
Глубже любя эту землю, леса и ручьи —
Это великое голое поле с клубящимся небом.
Жребий не страшен, и руки
Жаждут пространство обнять,
Мускулы тело легчат,
И кричал я: «Сила — свята!
Надо, чтоб сам человек метил печатью ее
Дерзкие планы свои — грубо и страстно.
Рая ключарница — ей право выламывать двери».
Ствол узлистый без памяти я целовал...
Когда же вечер спускался с небес,
Я терялся в мертвых полях,
Шел неизвестно куда, прямо вперед, пред собой —
С криком, бьющим со дна сумасшедшего сердца.

Любовь

Спокойным вечером ласкающего мая
Идущие сюда гулять меж светлых дюн
Влюбленные

Не думают о том,
Что их любовь подобна
Плющу, завившему каменья этих стен.

Они идут так медленно, что тело их кажется усталым,
Но верески, но мхи, но мята, но полынь,
Но каждый камень, каждая песчинка
И скромная тропа, ведущая их шаг, —
Следя за отягченной любовью
Четой обнявшихся,
Творят молитву о вечно плодоносной почве
Фландрии.

А издали, за крышами домов
Высокая, резная колокольня
Глядит на них старинными часами.

Ты, девушка, ты, парень из деревни,
Любитесь крепче в этот мирный вечер:
Час благоприятен — только ветер слышит
Короткое дыханье сплетенных страстью тел.

В ваших сердцах сосредоточена та жизнь,
Что столько дней и столько лет упорно
Питается, растет и крепнет по опушкам
Суровой Фландрии.

И дюна мощная с ее широким светом,
И влажные поля с кустарником вокруг,
Лачуги скромные и тесные ограды,

Все любят сейчас любовью вашей.
Они вас сделали такими, как вы есть:
Тебя — суровым, грубым, молчаливым,
Тебя — здоровой, крепкой и румяной,
Как полевой букет родных цветов.
Они ведь знают лучше, чем вы сами,
Влюбленный лепет ваших смутных чувств,
Слова любви — они ведь нашептали
 Тем, кто любили здесь,
С тех пор, как Фландрия умеет говорить.
Вы любите, как некогда любили
 Те, что спят на кладбище;

Вы любите согласно возрасту и жребию,
Как ваши предки смуглые любили русских жен,
И как со временем любиться будут те,
Которые родятся от вашей любви,
 Когда умрете вы.

Ты, девушка, ты, юноша, вы, дети
Приморских деревень и горького песка,
Идите вечером, лицом на запад, к морю
В тот час, когда закат пылает на песках.
Жизнь будет вам тяжелой и суровой:
 Мужчине — море, женщине — дитя,
Но дух, живущий в вас, суровый и упорный,
Умеет скрыть печаль и удержать слезу.
Вам долго маяться: и месяцы и годы,
Под шум и плач крикливой детворы,
В рыбацкой хижине среди снасти и сетей.

И будет вам единственным желаньем —
Чтоб жадная беда убогий ваш очаг
И счастье скромное не жалила до крови:
 О злой сосед — свирепый Океан!
Улов потерянный, грозящая погибель,
Растущий вал, внезапный ураган
Под звездами жестоких равноденствий!
Вы будете терпеть, склонив упрямый лоб,

Тяжелый натиск разъяренной жизни —
Герои, — сами того не ведая!
Но Фландрия, которой нужно племя
Упорное,
Гордится и следит за каждым вашим шагом.
Поэтому, когда в вечерний час
Идете вы обнявшись —
Молодые, тяжелые любовью, —
Издалека резная колокольня
Глядит на вас старинными часами.

К Бельгии

Со дней последних битв, смывая дом за домом,
Всё смел и затопил сорвавшийся бурун.
И вот земля твоя: лоскут песчаных дюн
Да зарево огней за темным окоемом.

Антверпен, Брюж, Брюссель и Льеж — из рук твоих
Врагами вырваны и стонут в отдаленьи.
Твой стерегущий взор не видит их мученья,
В руках израненных защиты нет для них.

Как жены скорбные на побережьи моря
Ты учишься сносить удары ярых гроз,
Упорствуешь, молчишь, лия потоки слез,
И терпишь до конца, с судьбою гордо споря.

Ты, побежденная, безмерно велика!
Прекрасна, доблестна, светла, как в те века,
Когда венчала честь вождей победных главы
И гибнуть стоило и жить во имя славы!

На эту пядь земли, где, не закрыв лица,
Стоит герой — Король под бурей безвозвратной,
Ты собрала солдат — остатки силы ратной,
Что б здесь трагически бороться до конца.

Ты так вознесена своей судьбою славной,
Твой подвиг так велик, твой пламень так высок,
Что образ твой в сердцах пребудет одинок
И нет в иных веках тебе по духу равной.

Пред этой жертвою, что смерть твоих сынов?
Пусть Ипр в развалинах, Диксмюд разрушен, пашни
Затоплены водой, а труп сожженной башни
Огромный висится на фоне вечеров!

О, пусть вся родина лишь в этом пепле рдяном,
Ее мы любим так, что ниц упав пред ней,
Мы будем целовать страдальный прах камней,
Прижмем уста и грудь к ее священным ранам.

А если гнусный враг, недобрый выбрав час,
Сожжет последний дом, страстей исполнив меру,
О, Бельгия моя, храни восторг и веру:
Земля не умерла — она бессмертна в нас!

Защитники Льежа

Пусть мир войной кощунственной мятежим,
Пусть родину, открытую врагам,
Удастся размолоть германским жерновам, —
Бессмертна слава их — за всех погибших там —
Под Льежем!

Горе подобная
С устоев сдвинутой и рушащей лавины
В долины,
На города, на пашни, на равнины —
Так двигалась Германия на нас
Огромная и злобная.

В тот страшный час,
Когда бежали все, ища защиты... Где же?
Не всё ли рушилось? Не всюду ль смерть и мрак?
Они одни держались в Льеже.

Они боролись так
Затем, что ведали, что их отваге вверен
Священный стяг
И Франции, и Рима, и Афин.
Сверх сил боролись все, и каждый пребыл верен
И против толп — один.

Кто думал в эти дни проклятий,
Что враг со всех концов,
Что против неисчетных ратей —
Они — лишь горсть бойцов?
За город, за форты, дерясь поочередно, —
За боем бой

Выдерживали бодро и свободно;
И каждый шаг упорно кровеня,
Сражались на бегу, не знали счета ранам, —
И ловки и быстры под ураганом
Огня.

Когда же Цеппелин под небом серно-рдяным
Внезапно в ночь вонзая зоркий взгляд,
Их открывал прицелам и ударам —
Никто не шел назад:
Все, как один, вперед кидались с жаром
Столь ярим,
Что их уж не было на тех местах дорог,
Куда срывался огненный поток.
Когда в хмелю атак
Теснил ряды и шел на приступ враг,
Кривые молнии сомкнувшихся орудий
Хлестали веером живую стену грудей,
Кося за рядом ряд,
И, опрокинув, гнали их назад.

Лонсен и Шофонтен, Бонсель, Баршон
Гудели тяжкими, стальными куполами
И день, и ночь у них над головами;
Был воздух взрывами и громом потрясен,
И сталь, и медь им рушились на шеи...
А между тем толпы ребят
Вино и хлеб в траншеи
Таскали для солдат.

С веселым юмором сердец неукротимых
Беседа шла о подвигах простых,
И души даже самых молодых
В те ярые часы смертей неотвратимых
Опасность сплывала, так крепко закаля,
Что равных стойкостью не ведает земля.
В раскатах бури город,
Пылая, ликовал
И с пламенем вдыхал
Бесстрашие и порох.

Перерождаясь от огней,
Дышали тверже груди,
Существование людей
Преображалось в чуде;
Сверхчеловечеством был каждый озарен.

О, люди будущих времен!
Пусть мир войной кощунственной мятежим,
Пусть родину, открытую врагам,
Удастся размолоть Германским жерновам —
Бессмертна слава их — за всех погибших там —
Под Льежем!

< ДОПОЛНЕНИЯ >

Окровавленная Бельгия

Уж скоро тридцать лет,
Как в радостном и дружном напряженьи
Росло свободное движенье
Всечеловеческих побед.

А войны
Казались людям тех годов
Проклятым местом старой бойни,
Сокрытым чащею разросшихся цветов.

Был Запад горд под небом беспечальным
И мыслить, и творить в согласьи музыкальном,
Подобно плавному движению светил.
И каждый день прекраснейшие дали
Раздвигали
Прозренья тех, кто мыслил и учил..

Они поведали всемирно,
Что с человеком человек
Согласовать свободный бег
Отныне может только мирно;
Что право лепит силу так,
Как сок весною ствол вздувает;
Что справедливость побеждает,
Что мысль надежней, чем кулак;
Что правду высшего свершенья
Откроет скоро человек,
Что уж назрел прекрасный век,
Когда враждебные теченья
Должны свой бег соединить.

Так электрическая нить
С другою в соприкосновеньи
Рождает искру: да и нет
Вдвоем дадут единый свет.

Так в летних сумерках возвышенно мечтая
И тон апостольский делами подтверждая,
Они, гордясь собой и будущим людей,
Дивились сами смелости своей.
А чрез поля, холмы, леса и воды
Европа кликами несла им свой привет,
И эти возгласы, звучавшие в ответ,
Тревожили германские народы
Вдоль Рейна грозного...

Для них союз людей
Был праздной выдумкой, а их мечты достойны
Лишь свист бичей, сверкания мечей
И землю гулом полнящие войны.

Размеренная ненависть жила
У них в душе. Трудились мастерские
Всегда над новым примиреньем зла.
Упорные, искусные, сухие —
Они умели скрыть смертельных знаний плод.
В дни мира человек к другим идет
Доверчивей — они ж везде следили,
Шпионили и молча стерегли;
А их мыслители догматику несли
На оправдание насилию и силе.
Слова свирепые и мрачные порой
Вещались с высоты и правдой становились,
Они заранее жестокости учились
Во имя мудрости — грядущей, грозной злой.
Боренье воль, свободное кипенье
Страстей, и дум, и дел — широкой жизни пир —
Они отвергнули. Машинное их рвенье,
Казалось, погасить хотело прочный мир.

И наконец они дождались: в иступленьи
Холодной ярости, им заменявшей честь,
И жгли, и грабили, пролили огонь и месть
На страны, города, соборы и строенья —
Святилища наук, сокровища времен...
Ты — Франция! Ты — Бельгия! Врагами
Окровавленные, принявшие удар!
Поведайте, как в эти дни пожар
Метался в городах, клубился над лугами.

Вы бились доблестно за жизнь своих детей,
За честь могил, за мир родимых сеней, —
Они ж искали жертв для новых всесожжений
Жестокости своей.

В забытых хижинах — вдали военных станов,
Где тяжким топотом прошел поток уланов,
Мы видели ножи в груди у матерей
С червленными в крови и в молоке клинками,
И дряхлых стариков, стоящих вдоль путей
Коленопреклоненными рядами
Над ими же раскопанными рвами
И казни ожидающих своей.

Подростков-девочек — в руках ватаги пьяной.
Солдаты тешились кровавым кутежом...
Когда же плоть детей была сплошною раной —
Им вырезали грудь ножом.

Повсюду к городам из брошенных селений
Спешили беженцы с безумием в глазах;
За ними шел поток огня и разрушений,
Гудел набат в смятенных городах;
Страна была, как разоренный улей...

А если им, подбитый меткой пулей
Немецкий труп встречался на пути —
В карманах брюк серебряные ложки,
Браслет украденный случалось им найти
И детские отрубленные ножки.

О, Фландрия! Каких невыразимых дел,
Какого ужаса, безумия, трагизма
Ты стала зрелищем! Как страшен твой удел
Быть жертвой голода германского садизма!

Казнь

(Воспоминание из Верхарна)

Ты сложишь голову на каменном помосте
Под гулкий плеск толпы, среди буйных площадей...
И ярко вспыхнет кровь, и слабо вскрикнут кости...
И будет оргия и благовест церквей.

И солнца мутные, как красные виденья,
Сквозь дымы серные передвечерних действий
Увидят торжество и тайну искупленья
Тобою созданных эпических злодейств.

Толпа вокруг тебя, как древний образ змея,
На миг свой океан заставит замолчать
И будет, точно мать, ярьась и пламенея,
Твой черный гроб баюкать и качать...

И память о тебе распухнет, как травы,
Вопьется, острая, как яд осиных жал,
Заблещет красками настоящей отравы,
Останется в мозгу прямая, как кинжал...

Ты сложишь голову на траурном помосте
Под гулкий плеск толпы, среди буйных площадей...
И ярко вспыхнет кровь, и слабо вскрикнут кости...
И будет оргия и благовест церквей.